

ИГРА В «МОВИЗМ» ВАЛЕНТИНА КАТАЕВА

© 2015 К.С.Поздняков

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 31.12.2014

Основная цель статьи заключается в том, чтобы доказать: ранние и поздние периоды творчества Катаева, которые обычно не сопоставляются, имеют множество точек пересечения (как в формальном, так и в содержательном планах). Предметом анализа является повесть «Отец» в соотношении с произведениями времён «мовизма» (от фр. *Mauvais*).

Ключевые слова: мовизм, модернизм, хронотоп.

На фоне многочисленных статей, в которых приводятся факты из жизни В.П.Катаева, представляющие автора «Растратчиков» и «Сына полка» далеко не в самом лучшем свете (основное собрание порочащих писателя историй представлено в работе В. Огрызко «Законченный циник, но дьявольски талантлив: Валентин Катаев»¹), статья Д.Л.Быкова, «Цветик-семицветик» представляется чуть ли не реабилитационной. Известный писатель и журналист рассуждает о художественных достоинствах текстов позднего периода творчества Валентина Петровича, приходя к следующему выводу: «Ничего выше, чем его поздняя «мовистская» проза, в Советском Союзе времён так называемого застоя не печаталось»². Вывод, конечно, как часто случается у Быкова, чересчур глобальный и субъективный, но, в каком-то смысле, восстанавливающий справедливость. Другое дело, что, любясь «Травой забвения» и прочими поздними произведениями Катаева, автор статьи почему-то совершенно упускает из вида связь с ранним творчеством Валентина Петровича. На эту связь, пусть мельком, не развивая эту тему, указала Н.Иванова в работе «Счастливый дар Валентина Катаева», сделав следующее замечание по поводу рассказа «Отец»: «в (нём) присутствуют все те родовые признаки поздней прозы, от которых Катаев так старательно уходил в 30-х»³. Действи-

тельно, сопоставление ранних рассказов с текстами времён «мовизма» приводит к обнаружению множества сходных как в содержательном, так и в формальном плане моментов. Обратимся к ещё одному верному замечанию Быкова: «материал его (Катаева) всегда был один и тот же – Одесса, степной юг, море, революция, агитпоездка по деревням, арест, страшный тюремный двор, где расстреливали под рокот грузовика... Лучше всего он написал именно об этом – в «Траве забвения», отчасти в «Вертере»»⁴. Но ведь именно этот материал реализован в рассказе «Отец». Главный герой, как и в произведении «Уже написан Вертер», ожидает расстрела, только вместо образа матери центральное место занимает образ отца (что, в общем-то, ближе к биографическому материалу). Смерть отца герой рассказа пропускает, находясь в агитпоездке, подробно описанной в «Траве забвения». Наконец, отдельные детали «Отца» совпадают с произведениями периода «мовизма». Описание внешности отца (сравнение с Чеховым) и матери (раскосые, будто японские глаза) повторяется и в романе «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона». Сама проза Катаева уже в «Отце» ритмизованна, лирична. Если текст этого рассказа разбить на подобие строф, как делает это Катаев в поздних произведениях, вряд ли кто-то заметил бы разницу. Писатель использует средства эвфонии, характерные, скорее, для лирики. Уже в «Отце» сказываются те уроки, которые начинающему литератору успел дать И.А.Бунин. Думается, что именно влияние автора «Жизни Арсеньева», одновременно являвшимся поэтом и прозаиком, проявилось в том уникальном худо-

¹ Поздняков Константин Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: kopozdnyakov@yandex.ru

² Литературная Россия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.litrossia.ru/2014/05/08611.html>

³ Быков, Д. Советская литература. Краткий курс / Д.Быков. – М.: Изд-во ПРОЗАИК, 2013. – С. 140.

⁴ Иванова, Н. Счастливый дар Валентина Катаева // Журнальный зал. Русский толстый журнал как эстетический феномен [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/11/ivanova.html>

ческий феномен [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/11/ivanova.html>

⁴ Быков, Д. Советская литература... – С. 143.

жественном высказывании, которое Катаев разработал уже в своих первых опубликованных текстах.

Нельзя сказать, что между ранней прозой и «мовизмом» Катаева лежит пропасть. Этот тот же самый автор, с той же самой темой и приблизительно тем же самым сюжетом. И, стало быть, «мовизм» – это игра, потому что Катаев лишь сохранил свой прежний стиль письма, скрыл его до поры до времени, чтобы стать образцовым соцреалистом. В рассказе «На полях романа» (1931) читатель встретит действительно иного автора, оперирующего «общими местами», штампами, искусственно упрощающего свой стиль. Соцреалистическое письмо ничем не напоминает о ранних рассказах, равно как и о «мовизме».

Необходимо отметить, что «Отец» – это не единственный пример семантической переключки между ранними и поздними текстами. В рассказе «Зимой» описана ситуация, которая позже будет воспроизведена в романе «Алмазный мой венец». Речь идёт о романе Катаева с сестрой М.А. Булгакова, разница лишь в том, что автор «Мастера и Маргариты» в раннем тексте именуется Иваном Ивановичем, а в позднем – Синеглазым, события же представлены как близкие, не утратившие актуальность, несмотря на солидную временную дистанцию между двумя произведениями.

Возвращаясь к тексту «Отца», хочется отметить ещё одну важнейшую тему, характерную не только для Катаева, но и для многих его современников и ближайших друзей. Это, конечно же, тема страха. И вот тут можно отметить ключевое различие между ранним и поздними вариациями одного и того же сюжета. Арест Синайского в «Отце» представлен как ошибка, героя приняли за другого, могли расстрелять, но следователь вовремя разобрался и отпустил молодого человека домой. В «Вертере» очевидно, что никакой ошибки нет, что герой – участник контрреволюционного мятежа и его спасение – настоящее чудо. В год написания «Вертера» Катаев уже ничего не боялся, или почти ничего не боялся, и поэтому мог позволить себе указать на те факты своей биографии, которые прежде так тщательно скрывал. Речь идёт об участии Катаева в белогвардейском восстании в Одессе, по подозрению в котором был задержан не только Валентин Петрович, но и его младший брат, будущий Евгений Петров. Намекать на участие в подобных заговорах в 1928-м году, когда «Отец» впервые опубликован полностью, советскому писателю было бы немислимо, самоубийственно. Биография Катаева была переписана им самим, доста-

точно почитать предисловия в тех собраниях сочинения автора, которые выходили во времена существования Советского Союза. Читатели узнают о безукоризненном творческом и жизненном пути красноармейца, партийца и лауреата Сталинской премии. Тем не менее, страх, связанный с возможным разоблачением очевидно проявлялся и в текстах писателя. Этот страх запечатлён в «Отце», когда герой проводит мучительные минуты в ожидании следователя. Можно быть ни в чём не виноватым, но приговорённым к смертной казни. Показательно, что подобная тематика появляется и в рассказе друга Катаева, Ильфа, «Блудный сын возвращается домой», главный герой этого текста убеждён, что его отец – раввин: «Ужас, отец мой – яблоня, раввин с лиственной бородой. Мне надо отмежеваться от него, но я не могу. Нет, не будет крупного разговора, я слишком люблю своего отца»⁵. Герой-повествователь уже готов к осуждению со стороны широкой общественности, когда, к счастью, оказывается, что его отец никогда не был священником. Однако мрачный осадок остаётся, поскольку персонаж временно устыдился собственного папы, Синайский Катаева, испытывая приступ паники, фантазирует о том, как хорошо было бы поменяться местами с отцом, то есть, по сути дела, предать собственного родителя ради возможности выжить. Чувство страха разнится: в случае Ильфа герой стыдится профессии отца, поскольку это может испортить его анкетные данные; у Катаева же страх Синайского достигает такого предела, что он готов пожертвовать жизнью собственного отца. Очевидна и некая общность, которую можно истолковать как переосмысление ключевой ситуации Нового завета: не отец приносит сына в жертву за грехи человечества, а сын готов пожертвовать отцом (у Ильфа – отмежеваться, у Катаева – поменяться местами) лишь бы самому очиститься от возможных подозрений.

Перечитывая воспоминания советских литераторов о себе, о коллегах и о времени, каждый раз ощущаешь явную недосказанность, недоговорённость. Очень трудно восстановить подлинную череду событий, все детали биографии. Чаще всего на страницах мемуаров предстаёт эдакое «житие» советского литератора, мало что говорящее о его индивидуальности. Естественно, поздние тексты Катаева нельзя воспринимать как документальную прозу, но прелесть этих произведений в том, что перед нами предстают

⁵ Ильф, И. Блудный сын // И.Ильф. Дом с кренделями. – М.: Изд-во Текст, 2009. – С. 293.

живые лица великих современников автора, слабо напоминающие об их скучных и заштампованных портретах в большинстве воспоминаний. Поэтому, несмотря на массу критических выво-

дов в адрес Катаева, следовало бы порадоваться тому, что Валентин Петрович успел сыграть в «мовизм».

«MUAVISM» GAME OF V.KATAEV

© 2015 K.S.Pozdnyakov^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article tends to prove that the early and the late literary periods of V.Kataev that are not usually compared with each other have numerous points of intersection both in form and in content. The subject of analysis is a short story "The Father" that is compared to the stories of the mauvism period.

Key words: mauvism, modernism, chronotope.

^o *Konstantin Sergeevich Pozdnyakov, Candidate of Philology, Associate Professor, senior researcher in the Department of Russian and foreign literature, methodology of teaching of literature.
E-mail: kopozdnyakov@yandex.ru*